

У дверей театра «Детектив», возглавляемого Ливановым, меня встретил загадочно улыбающийся с рекламного плаката Холмс, точно такой же висел на стене ливановского кабинета, а в его книжном шкафу я заметила целую библиотеку «холмсиады». И тут я, не удержавшись, спросила:

— Василий Борисович, неужели вам не надоел Шерлок Холмс?

— Я с удовольствием работал над этой ролью целых семь лет. Но за 11 фильмов мы с Виталием Соломиным полностью исчерпали тему мужской дружбы, сыграв все, что дает здесь простор актеру. Дальше стали бы неизбежны повторения, а просто обслуживать детективный сюжет нам неинтересно.

— А вам не обидно, что эта в общем-то несерьезная роль затмила все предыдущие?

— Я не боюсь этого, ведь Холмс — герой мировой классики. Актер же проверяется только классикой, сколько бы он ни играл современников. И не каждому выпадает такой счастливый случай — стать соавтором роли, создать новую трактовку образа.

— Вы так говорите, будто речь идет о Шекспире или о Чехове. Какая может быть трактовка Шерлока Холмса?

— Во-первых, мы изменили представление о Холмсе как о непременно мрачном фанате своего дела: он умен и не лишен чувства юмора. Потом разрушили стереотип, что Ватсон — непременно дурак, в этом случае непонятно, почему Шерлок с ним дружит. Просто если Ватсон — талант (не следует забывать, что именно он «автор» рассказов, которыми зачитывается весь мир), то Холмс — гений. Эти свои наблюдения я изложил в послесловии к «Запискам о Шерлоке Холмсе», и одна дама сделала на их основе кандидатскую. Вот возьмите пока, почитайте.

Пролистав изящно написанное эссе, я отложила книгу в сторону. «Нет, сейчас не время для Шерлока Холмса», — подумала я, подавив соблазн сунуть нос и в сами рассказы. — Ведь мне необходимо представить Ливанова как человека серьезного и глубокомысленного, а я пока ничего не выяснила, кроме того, что он серьезно относится к Шерлоку Холмсу». Я решила перейти к более обстоятельной беседе, чем, кажется, несколько удивила моего собеседника.

— Ваш отец Борис Николаевич Ливанов был знаменитым актером, у вас дома бывали многие выдающиеся деятели культуры. Чувствуете ли вы какую-нибудь разницу между интеллигенцией разных поколений?

— Новая интеллигенция невероятно прагматична.

— ... Не значит ли это, что она просто вымирает?

— А иначе и быть не может, ведь мы долгие годы были лишены своих мыслителей, которых Ленин выслал за рубеж. Русская мысль до нас или еще вовсе не дошла, или в лучшем случае — какими-то обрывками. Мы, например, совершенно не знаем замечательного философа Ивана Ильина, как часто случается с «пророками в своем отечестве». Он, как и многие, предупреждал Россию, к чему приведет этот немислимый эксперимент. То состояние, которое мы имеем, было предсказано — но нам, этого не знаящим, теперь приходится изобретать велосипед. И это очень сильно отражается и на обществе в целом, и на интеллигенции в особенности. Сейчас все живут в ожидании чуда, смешанном со страхом, что чуда не будет.

— Наверное, впервые за 70 лет люди перестали быть марионетками и получили свободу выбора, а вы им такие рабские настроения приписываете.

— Наше общество политизировано до абсурда: люди до ночи смотрят телевизор, затем слушают западные радиоголоса, а с утра обсуждают услышанное на работе. У нас же никто не работает — все только спорят до хрипоты и бегают на демонстрации! Голодать готовы, лишь бы не оторвали от занятия политикой. Это какой-то массовый психоз — все забросили свое дело и ринулись в политику. Сумасшедшее время.

Меня пугает больше всего, что перестройку воспринимают опять как разрушение старого. Я, конечно, понимаю это ожесточение. Понимаю, что терпению настал конец, но нельзя отвергать и то хорошее, что когда-то было. В конце концов, созидать надо, а не разрушать все до основания, чтобы потом топтать снова от пещки. А то получается, спорим мы, а работают на нас иностранцы: строят финны, магазины открывают шведы, хлеб растят канадцы. Что мы, безрукие, что ли?! Это же позор — национальное

достоинство, Третьяковскую галерею, восстанавливают финны! Да, на Русь приглашали зодчих, но чтобы разнообразить собственную архитектуру, а строили-то всегда своими руками, и замечательно строили, надо сказать. Воистину из ничего и выйдет ничего! — Похоже, вы не планируете последовать примеру многих своих коллег и заняться политикой?

— Меня политика не интересует! Я счастлив потому, что занимаюсь своим делом, а не потому, что прокричу на митинге или пять минут помолчу в поддержку культуры. Это же смешно и максимально несерьезно. И мне бы не хотелось, чтобы меня знали как соратника Травкина или кого бы там ни было. Я считаю: у каждого свое призвание, и политикой должны заниматься профессионалы, у нас же лезут все, кому не лень.

— К дилетантам можно отнести и нынешнего министра культуры СССР Николая Губенко, и министра культуры РСФСР Юрия Соломина. Получается, вы не рады, что эти посты теперь занимают люди творческие, пусть и не искушенные в политических интригах?

— Я не могу ни поддерживать, ни выступать против, пока не увижу их программ. Это мои товарищи, и я очень хорошо к ним отношусь, но мне хотелось бы знать, что конкретно они собираются предпринимать для спасения культуры.

Конечно, я не против их назначения, но обидно, что отрываются от дела

Василий ЛИВАНОВ: «Элементарно, ВАТСОН»?

серьезные художники. Ведь искусство поглощает человека целиком — им нельзя заниматься в свободное от политики время. И мне, например, больно за Театр Вахтангова — если бы Михаил Ульянов уделял ему больше времени, может, театр не был бы в таком удручающем состоянии.

А я занимаюсь искусством — создал театр и делаю то, чему меня учили и что является моей профессией.

— Вы считаете театр своей профессией, хотя никогда им не занимались?

— Я действительно всего несколько месяцев проработал в Театре Вахтангова. Но мечта создать собственный театр жила еще со времен Щукинского училища, где я ставил дипломный спектакль нашего курса «Три толстяка».

— А название своего нынешнего театра выбрали все-таки под воздействием Шерлока Холмса?

— Не стоит с пренебрежением отно-

ситься к детективу. Кто-то из критиков верно заметил, что он совершенно не развивался при тоталитарных режимах: в фашистских Германии и Италии, Испании... Ведь в детективе главное — неотвратимость победы закона и наказания зла. В этом его пружина — что возмездие неминуемо. И следовательно, в царстве беззакония этот жанр обречен на прозябание. Потому-то отечественные детективы так примитивны: милиционер просто бежит за бандитом, преодолевая различные преграды. Нет в этом исследования общества, его нравственных проблем, да и быть не могло в условиях «телефонного права». Что делать Шерлоку Холмсу, когда по телефону даются инструкции, кто преступник и где взять улики? Не случайно наш театр стал возможен только сейчас.

— Но несмотря на то, что театр «Детектив» — дитя перестройки, отклики отнюдь не восторженные.

— Собрать хвалебную прессу нынче немудрено — стоит только любыми путями быть не как все! В моде интриговать публику всеми возможными средствами, а что театр должен нести и просветительскую миссию, начисто забыто. Скажем, ставят Островского как политический памфлет на злобу дня, совершенно не стесняясь приспособлять классику к личным режиссерским амбициям.

Наш же театр немодный — ни голых женщин, ни политической «чернухи». Мы стараемся заниматься жизнью человеческого духа, а все недоумева-

детей. Это чистая работа, где не проходят все эти конъюнктурные штучки. К малышам просто так не подольститься — они чувствуют, любя ли ты свое дело и любя ли ты их. К сожалению, я уже давно не работаю в мультипликации. Разве что доведется сказать голосом какого-нибудь существа, если покажется симпатичным. Сейчас туда пришло новое поколение, которое делает страшное дело. Они снимают «чернуху» — монстров, уродов, которые «выламываются» на экране самым отвратительным образом. Их нельзя полюбить, как Карлсона или крокодила Гена. После таких мультфильмов маленькому человечку кажется, что мир к нему враждебен — в нем затаптывается доброжелательность, с которой каждый ребенок приходит в мир. Не надо, конечно, растить ребенка в розовых очках, но еще страшнее показывать ему мир как нечто злобное и уродливое.

— А вас не тянет — в противовес этому — снять какой-нибудь очень добрый мультфильм?

— Театр отнимает слишком много сил и времени. Для меня сейчас самое главное — поставить его на ноги. Мы всего-то открываем третий сезон.

— Василий Борисович, театр расположился в клубе МВД, он уникален еще и тем, что у входа дежурит милиционер. Кстати, весьма доброжелательный молодой человек — минут пять изучал мое удостоверение. А как у вас складываются отношения с милицией?

— С милицией нормально, а вот с клубом отвратительно: нас пытаются выгнать из этого помещения. Я два года пробивал идею культурного центра МВД, а теперь нас «просят» выехать отсюда, вместо того чтобы создать центр вокруг профессионального коллектива с известными актерами, режиссерами, художниками, композиторами. Мы сопротивляемся. Министр культуры Губенко написал министру МВД Бакатину, но ответа пока так и не получил. Нас поддерживает Моссовет, но...

Трудно говорить с увлеченными людьми... В мои планы вовсе не входило рассуждать с Ливановым о театре. Но разве может человек не говорить о том, что стало главным делом его жизни? Я открыла блокнот, где покоился список «обязательных вопросов»...

— Что вы думаете о современной молодежи?

— Нынешняя молодежь, кроме иронии, сарказма и разочарования, мало что испытывает. А для любого человека такие эмоции губительны. Отсюда и чудовищное засилье массовой культуры.

— Вы находитесь в лагере тех, кто во всех бедах винит рок-музыку?

— Все эти музыканты на одно лицо, настоящий разгул бесовщины. Единственный, кто мне нравится, это Гребенщиков — он нашел необходимую грань. Подавляющее большинство же воистину не от Бога, а от черта...

— Вы верите в Бога?

— Художник не может не верить. Искусство — своего рода общение с Богом и очень близко к религии. В конечном итоге что такое церковь, как не обрядовый театр?

— Ваши дети продолжают актерскую династию Ливановых?

— Моя дочь, ей 27 лет, биолог. Старший сын заканчивает школу и в актеры пока не собирается, а младший еще не пошел учиться, и поэтому говорить о нем рано.

— Вы очень много снимались в конце 60-х — начале 70-х: в «Слепых музыкантах», в «Коллегах». Создается впечатление, что потом вы куда-то пропали, во всяком случае заметных ролей было совсем не так много.

— Я никогда не страдал от недостатка внимания, но, к счастью, у меня хватало душевных сил отказываться и не мелькать просто так на экране. Актеров любят спрашивать: «Как вы относитесь к популярности?» Это свойство профессии: актер по роду своей деятельности должен быть популярен. Но это не должно заслонять личность. Я как-то читал интервью молодой актрисы, которой 21 год, а она уже успела сняться в 21 картине. Я думаю о ней: «Бедная девочка!»

Мое время заканчивалось. Ливанов проводил меня до двери кабинета; милиционер, истосковавшись по общению, посетовал на беспокойных соседей. А я сделала окончательный вывод: «Это же замечательно, если человек настолько ушел в собственные творческие проблемы, что его совершенно не тянет пофилософствовать на общие темы, говорить, почему исчезли макароны. Просто в наше ненормальное время подобные люди редкость».

Только тогда я заметила, что стою под орлиным взглядом Холмса с афиши, пронизывающим меня насквозь. «Кстати, кажется, этот сверхинтеллектуал не знал, что Земля круглая», — почему-то вспомнила я, окончательно воспрянув духом.

Наталья Аншина.

